

22 ноября Андропов собрал Пленум ЦК, чтобы провозгласить новый курс. Успокаивая партийную элиту, привыкшую к стабильности брежневских времен, Андропов говорил о преемственности курса, но подчеркивал в словах предшественника критические нотки: «Члены Центрального Комитета хорошо помнят последние выступления Леонида Ильича Брежнева, его записки в Политбюро ЦК по вопросам экономического развития. Вопрос им ставился так: на съездах партии и пленумах ЦК мы выработали научно–обоснованную экономическую политику, взяли курс на повышение эффективности производства, его интенсификацию. Но перевод на эти рельсы нашего хозяйства, поворот к эффективности, осуществляются все еще медленно»⁴⁵⁶.

Андропов довольно далеко зашел в разборе причин торможения интенсификации. Среди них назван и святая святых — механизм планового хозяйства: «чтобы внедрить новый метод, новую технику, нужно так или иначе реорганизовать производство, а это сказывается на выполнении плана. Тем более, что за срыв плана производства спрашивают, а за слабое внедрение новой техники — ну самое большое, что пожурят»⁴⁵⁷.

Андропов решился наконец занять пустующую нишу стратега, так как советское общество уже не могло развиваться по инерции. Ему была жизненно необходима стратегия. Уже при Брежневе стало заметно техническое отставание СССР от Запада, где проходила новая научно–техническая революция. Ее характер, связанный с ускорением обмена информацией, внедрением гибких сетевых структур, не был осознан советским руководством. Оно пока не было склонно менять социальную структуру, систему управления, а надеялось централизованно «внедрить» современную технику. В итоге СССР уперся в НТР как в барьер, который не мог преодолеть. А без этого отставание СССР становилось все более очевидным даже в главном — в военной технике. Андропов считал, что необходимо напрячь все силы, мобилизовать все резервы, чтобы преодолеть кризисную черту. Фактически уже в этой речи была сформулирована политика ускорения: «Намечено ускорить темпы развития экономики, увеличить абсолютные размеры прироста национального дохода,... напряженные задания должны быть выполнены при сравнительно меньшем увеличении материальных затрат и трудовых ресурсов»⁴⁵⁸.

Но за счет чего выполнить эту задачу? Реформы? О них в докладе не говорится.

⁴⁵⁶ Материалы пленума ЦК КПСС 22 ноября 1982 г. М., 1983. С.8.

⁴⁵⁷ Там же. С.10.

⁴⁵⁸ Там же. С.6–7.

Покритиковав механизм планирования, Генсек резюмирует: «Соединению науки и производства должны способствовать методы планирования и система материального стимулирования»⁴⁵⁹. Но над этой алхимической формулой хозяйственники СССР бились уже не один десяток лет. По мнению Андропова любым преобразованиям должны предшествовать эксперименты. Рассуждая о необходимости расширения самостоятельности предприятий, Андропов рекомендовал пока расширить самостоятельность лишь территориальных плановых органов. Это был первый со времен Хрущева толчок к «местничеству», усилению региональных элит, которое получит бурное развитие при Горбачеве.

Андропов рассчитывал, что эксперименты позволят найти наилучший путь экономических преобразований. Но они дадут результат через несколько лет. А за счет чего Андропов рассчитывал осуществить свое ускорение в ближайшие годы? «Необходимо усилить ответственность за соблюдение общегосударственных, общенародных интересов, решительно искоренять ведомственность и местничество.» «Следует решительно повести борьбу против любых нарушений партийной, государственной и трудовой дисциплины.» «Значит, не хватает другого — инициативы, решительной борьбы с бесхозяйственностью, с расточительством»⁴⁶⁰. «Усилить ответственность», «решительно искоренять», «дисциплина» — эти слова станут лейтмотивом правления Андропова. Но в то же время в разговорах с подчиненными он ориентировал их и на другое: «Надо быть откровеннее, правдивее. Объяснять людям, что может, а что не в силах дать страна»⁴⁶¹. В этих словах сквозит ощущение того, что экономическая система не может удовлетворить потребностей населения. Людей надо снова просить потерпеть, пока не найдется выход.

В ожидании прагматических преобразований, которые намечались в далекой перспективе, предполагалось подтянуть все разболтавшиеся гайки экономической машины и заставить ее сделать новый рывок. Но осуществить эту трудную задачу могли только кадры, беззаветно преданные руководству, не погрязшие в коррупции, готовые к переменам: «нужно правильно расставить кадры, с тем чтобы на решающих участках стояли люди политически зрелые, компетентные, инициативные, обладающие организаторскими способностями и чувством нового, без чего нельзя в наше время успешно руководить современным производством»⁴⁶².

«Чистка» кадров должна была решить важную задачу: заинтересовать среднее звено чиновников в повышении эффективности работы ради продвижения по службе. Во время брежневской стабилизации кадров карьерные стимулы ослабли, так как чиновники срослись с креслом. Теперь начинались перемещения. Проявляешь инициативу, борешься за дисциплину — получи карьерное повышение. А поскольку на всех мест не хватает, часть чиновников надо уволить и даже «посадить». Кнут и пряник прямо увязаны. «Юрий Владимирович заявил нам, что не пойдет на Пленум до тех пор, пока в его выступлении не будет говориться об ответственности конкретных руководителей тех министерств, где дела идут особенно плохо, — вспоминает Горбачев. — Поэтому в текст и были вписаны резкие критические пассажи о работе транспорта, о состоянии металлургии и строительства, которые из года в год не обеспечивали нужд народного хозяйства. А в скором времени руководителей этих министерств — Павловского, Казанца и Новикова — вообще отстранили от работы... Вопрос о Новикове был поставлен в связи с тем, что в Волгодонске на недавно

⁴⁵⁹ Там же. С.10.

⁴⁶⁰ Там же. С.9, 11.

⁴⁶¹ Воротников В.И. Указ. соч. С.17.

⁴⁶² Материалы... С.22.

выстроенном «Атоммаше» вдруг началась просадка зданий и сооружений, которая показала, что при предварительных расчетах и самом строительстве проявили вопиющую безответственность»⁴⁶³. Как показали последующие события, крупнейшие катастрофы были еще впереди, и дело было не столько в министре, сколько в системе. Но конкретные «оргвыводы» во всяком случае убеждали людей в серьезности намерений Андропова. И это было только начало «чистки».

Народ встретил нового Генсека с надеждой на перемены. Дело было не в том, что большинство жителей СССР поддерживали КГБ или идею «закручивания гаек». Просто безвременье позднебрежневского правления надоело людям. Хотелось видеть на вершине власти человека, способного что-то менять. Андропов казался именно таким лидером. Правда, он не знал, что делать. Предыдущая карьера, требовавшая всемерной осторожности, породила у Андропова стратегическую близорукость. Он был тактиком до мозга костей.

Новый Генсек даже сделал сенсационное для того времени признание: «если говорить откровенно, мы еще не изучили в должной степени общество, в котором живем и трудимся... Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, путем проб и ошибок»⁴⁶⁴.

Первая после прихода к власти попытка Андропова разобраться в вопросе «где мы?» была предпринята в статье «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР». Основная идея статьи, которая была замечена всеми, ставила крест на обещаниях скорого пришествия коммунизма, которые лишь дискредитировали официальную доктрину. Говоря о переходе к коммунизму в ходе совершенствования развитого социализма, Андропов заявил: «Наша страна находится в начале этого длительного исторического этапа, который, в свою очередь, будет естественно, знать свои периоды, свои ступени роста»⁴⁶⁵. По утверждению Г. Корниенко в частном порядке Андропов высказывался еще более радикально: «по крайней мере дважды в моем присутствии он говорил примерно так: какой там, к черту, развитой социализм, нам до простого социализма еще пахать и пахать»⁴⁶⁶.

В. Печенев, работавший над текстом статьи, вспоминает: «Помню, как вернувшись однажды с Лубянки, В.В. Шарапов, который вместе со мной руководил работой над докладом, сказал мне, что Андропова очень заинтересовала эта мысль о длительности развитого социализма, о его собственных ступенях роста, и он спрашивает: нельзя ли найти где-либо подтверждения сформулированной мной идеи и соответствующую аргументацию?»⁴⁶⁷ Коммунистический идеал отодвигался в необозримое будущее. Андропов призывает к большему прагматизму и милой его сердцу осторожности: «Идеологи буржуазии и реформизма по сей день толкуют, что реальность, мол, разошлась с идеалом. Но сознательно или по неведению упускают из виду, что сам Маркс, разрабатывая свое учение, меньше всего руководствовался требованиями некоего отвлеченного идеала, чистенького, приглаженного социализма»⁴⁶⁸. Сложившееся в СССР общество вовсе не обязательно

⁴⁶³ Горбачев М. Указ. соч. С.224–228.

⁴⁶⁴ Андропов Ю.В. Карл Маркс и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. «Коммунист». 1983 N 3. С.20.

⁴⁶⁵ Там же.

⁴⁶⁶ Корниенко Г.М. Указ. соч. С.232.

⁴⁶⁷ Печенев В. Указ. соч. С.51.

⁴⁶⁸ Андропов Ю.В. Указ. соч. С.11.

подгонять под идеологические схемы. И форсировать социалистическую трансформацию общества не надо: "Говоря о превращении «моего» в «наше», нельзя забывать, что это длительный, многоплановый процесс, который не следует упрощать»⁴⁶⁹.

Более того. Андропов, который, конечно, сам определял ключевые положения статьи, подписанной его именем, сделал еще один заметный шаг по пути прагматизации идеологии: «Концепция развитого социализма означает, что понадобится определенное время, чтобы подтянуть отставшие тылы и двинуться дальше. Нам надо трезво представлять, где мы находимся...»⁴⁷⁰ Идея «подтягивания тылов» вполне соответствовала тактике «завинчивания гаек», которой следовало заниматься, пока эксперименты не покажут, что делать дальше.

Но это был не единственный ресурс. «Возрастает роль представительных органов в осуществлении главной, хозяйственно–организационной функции социалистического государства. Нельзя не отметить и такую найденную самими массами первичную форму хозяйственного управления, какой стала хозрасчетная бригада. Разумеется, нам глубоко чужда такая трактовка самоуправления, которая тянет к анархо–синдикализму, к раздробленности общества на независимые друг от друга, конкурирующие между собой корпорации, к демократии без дисциплины, к пониманию прав без обязанностей»⁴⁷¹.

Андропов понимал, какую опасность системе может нести самостоятельность трудовых коллективов, их рыночное соревнование. Но без определенной автономии производственных ячеек заставить работников проявлять необходимую инициативу было невозможно, и Андропов задумывается над возможностью создания экономической модели, сочетающей всевластие государственной машины в регулировании экономических отношений с некоторой внутренней автономией производственных коллективов.

Но как конкретно будет выглядеть новая экономическая модель, где грань между самоуправлением и управлением, которая позволит пробудить «творческий потенциал» производителя и в то же время не приведет к «анархо–синдикалистскому» своеволию? У Андропова не было ответов на эти вопросы. Ему были нужны советчики.